

Научная статья

УДК 72.01

doi: 10.25995/NIITIAG.2024.23.2.010

ГОРОД В СОВРЕМЕННОМ КУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Андрей Владимирович Боков

НИИТИАГ (филиал ФГБУ «ЦНИИП Минстроя России»), Москва, Россия, sar.bokov@gmail.com

Аннотация. Статья посвящена раскрытию функций и смыслов города в пространстве современной культуры. Выявляются особенности его преобразований в XXI веке. Обобщающий уровень аналитических размышлений раскрывает содержание основных составляющих глобального культурного пространства, его морфотипов. Только определив природу, базовые модели и общие закономерности культурного пространства города, можно наметить пути его нормализации и совершенствования.

Ключевые слова: современный город, культурное пространство, культурная энергетика, три модели города

Original article

CITY IN THE CONTEMPORARY CULTURAL SPACE

Andrey V. Bokov

Branch of the "Central Institute for Research and Design of the Ministry of Construction and Housing and Communal Services of the Russian Federation" NIITIAG, Moscow, Russia, sar.bokov@gmail.com

Abstract. The article is devoted to the disclosure of the functions and meanings of a city in the space of modern culture. The features of its transformations in the XXI century are revealed. The generalizing level of analytical reflections reveals the content of the main components of the global cultural space, its morphotypes. Only by defining the nature, basic models and general patterns of the cultural space of a city, it is possible to outline ways to normalize and improve it.

Keywords: modern city, cultural space, cultural energy, three models of the city

Европейский средневековый, он же традиционный, город просуществовал тысячу лет, классический город — пятьсот лет. Современному городу немногим более ста лет, и он перестает быть исключительно европейским явлением. Исходя из особенностей культурного времени, его динамики, можно допустить, что современный город преодолел около половины положенного пути, а значит, его описание будет складываться из констатаций и предположений.

Дать современному городу иное, более точное и содержательное определение вместо кажущегося формальным и временным сложно.

Исследование осуществлено в рамках Программы фундаментальных научных исследований Российской академии архитектуры и строительных наук и Министерства строительства и жилищно-коммунального хозяйства Российской Федерации на 2024 год.

С одной стороны, история современного города и его близкой родственницы — современной архитектуры — не завершилась, что не позволяет ставить окончательный диагноз, с другой — с помощью слов «модернизм» и «современный», которые сами по себе не молоды, устанавливается четкая грань между тем, что возникало на рубеже XIX–XX вв. и тем, что этому предшествовало.

В сравнении с традиционным и классическим городами современный город выглядит исключением. Ни одна из ушедших великих цивилизаций прошлого, прошедших два этапа, проделавших путь от традиционного города к классическому, не двинулась дальше. Подобно Египту и Риму, с созданием регулярного города, города-ансамбля, эти цивилизации попросту прекратили существование, не решившись на следующий шаг. Вопреки устоявшемуся пессимистическому сценарию, европейская цивилизация не повторяет печальную судьбу предшественников, а первой преодолевает порог, отмеченный классическим, регулярным городом, великими столицами империй, и движется дальше, в иное культурное пространство и иное время. Более того, эта цивилизация увлекает след за собой другие, пребывающие на самых разных этапах развития.

Платой за преодоление была пережитая Европой глубокая, беспрецедентная и тяжелая трансформация, сопровождавшаяся появлением качественно иной, принципиально новой инфраструктуры, сыгравшей положенную ей роль организатора и двигателя культурного пространства. В отличие от древних китайцев, римлян, египтян и ацтеков, также наладивших массовое товарное производство, освоивших строительство дорог и огромных сооружений, придумавших сложнейшие механизмы, европейцы сделали еще один шаг, оказавшийся спасительным. Рубеж, перед которым римляне в нерешительности остановились, жителям Европы удастся преодолеть, и истоки этого успеха обнаруживаются задолго до рождения современного мира.

Пространство и время объединяет скорость перемещения. Мечта о высоких скоростях — порождение особых, современных умонастроений, в основе которых стремление к контролю над будущим временем и преодоление страха перед открытым и неведомым пространством. Как только осознание ценности прогресса и открытости завоевало умы европейских элит, ключ к обретению новых скоростей был найден, и этим ключом оказались новые виды энергии. Новые виды энергии, вроде энергии пара и взрыва, были известны и другим цивилизациям, но не были ими востребованы и применены.

Природные виды энергии, мускульная энергия, энергия ветра, падающей воды и огня, которые использовались на протяжении многих тысячелетий, не в первый раз исчерпывают свои возможности, но впервые получают замену принципиально иного рода. Европа не столько открывает,

сколько применяет другие, внеприродные, искусственно генерируемые виды энергии, иные энергетические ресурсы и источники. Главными итогами того, что принято называть «промышленной революцией», становится «культурная энергетика», ставшая ответом цивилизации на вызов.

Присутствие паровой машины поначалу не сильно меняет облик европейского культурного ландшафта, но сообщает ему запас прочности и надежды на будущее. Эти надежды окрепли, когда паровая машина преодолела неподвижность, стала мобильной, потащила первый поезд и вышла в культурное пространство. Этот выход и стал предвестником «инфраструктурной революции» и постиндустриального, современного мира.

Появление паровоза подтолкнуло рождение двигателя внутреннего сгорания и использование нефтепродуктов, а изобретение электричества максимально усилило кумулятивный эффект «культурной энергетике». К успехам в транспортировке грузов, пассажиров, перекачке топлива и передаче электричества добавились успехи в развитии информационных технологий. Помимо писем и газет появляются другие способы трансляции новостей, определившие новый образ жизни и характер жизнедеятельности.

На рубеже XIX–XX вв. предчувствием, ожиданием нового мира были переполнены и художники — создатели современного искусства, и революционные мыслители, рисовавшие туманные картины светлого будущего. Реальные и радикальные изменения, их последствия оказались не вполне понятными даже для самых убежденных прогрессистов и борцов с прошлым. Многие еще долго жили в индустриальном мире, мечтая вооружить машинами огромные трудовые армии пролетариев, не предполагая и не видя, что у этих армий уже нет будущего.

Спустя столетие с момента рождения современного мира его принципиальные черты проступают все более отчетливо, и одной из главных черт становится прогрессирующее единство культурного пространства и возникновение глобальной системы расселения, или общего ареала обитания. Земная поверхность оказывается поделенной на места, пригодные для постоянного проживания, подлежащие интенсивному культурному освоению и усвоению, и места, где постоянное пребывание затруднено, к которым относятся поверхность мирового океана, Арктика, Антарктика, пустыни, горы и непроходимые леса. Оба эти компонента, культурный и природный, — неразрывно связанные участки одной экосистемы, разбалансированность которой является одним из главных вызовов современности.

Основой глобального культурного пространства становится современная всепроникающая инфраструктура, глобальные сети, идущие поверх всех и всяческих границ. Время относительно завершенных,

закрытых, изолированных, полностью самодостаточных образований проходит. Риски погибнуть в одиночку под ударами снаружи или извне, стать жертвой природных и иных катаклизмов снижаются. В мире прогрессирующей взаимосвязанности устойчивость отдельных компонентов определяются общей глобальной устойчивостью. Но, как и в предыдущие периоды, процесс интеграции, объединения сопровождается дезинтеграцией и разделением, интроверты по-прежнему борются и конкурируют с экстравертами.

Характерный для предыдущего периода диалог национальных государств и империй уступает место диалогу других явлений и сущностей, глобальной и локальной, и начинается этот новый диалог с распада европейских империй и возникновения новых конфигураций, новых национальных, межнациональных объединений, кажущихся более открытыми и эффективными. Современный мир становится платформой, объединяющей множество накладывающихся, пересекающихся, больших и малых, сетевых и иерархических образований, участниками которых оказываются не только государства, но компании, общественно-политические движения и культурные институты. Вместо отдельных стран все чаще упоминается «Запад» или «Глобальный Юг», Европейский союз или англосаксонский мир. Мечта теоретиков коммунизма о «новой общности людей», о неких наднациональных и надгосударственных сообществах не кажется несбыточной.

Национальные многоотраслевые экономики и огромные предприятия полного цикла с многотысячными коллективами, герои индустриального мира, постепенно замещаются логистическими цепями производителей с разных концов мира. Производства сравнительно легко перемещаются с места на место и из субъекта территориального планирования и градостроительства, каким их прежде принято было считать, превращаются в объект. Крупное производство уходит из больших современных городов на индустриальные полигоны, в кластеры, промзоны, промпарки, наконец, в страны и регионы, только вступающие или вступившие в индустриальный период своей истории.

Сельское хозяйство приобретает черты промышленного производства, а промышленность, в свою очередь, организационно и пространственно сближается с производством интеллектуальным. Индустрия идей и новаций становится неотделимой от их исполнения или воплощения и приобретает существенно большую значимость. Импульс, рождаемый изобретениями и открытиями, превосходит все иные сигналы воздействия на непрерывный и глобальный процесс производства.

Производство утрачивает самоценность и постепенно перестает диктовать миру свои условия. Идеи и новации все чаще откликаются не на вызовы изготовителя, а на интересы потребителя. Массовое

производство одинаковых изделий, вроде «Форда-Т» или «Жигулей» первой модели, сменяется выпуском все более специального, дифференцированного, кастомизированного и разнообразного продукта. Товарное производство не просто дополняется теперь сферой услуг как особым сегментом экономики, но все теснее сливается с этой сферой, приобретая ее черты и особенности.

Особенностью пространственной организации сферы обслуживания и потребления являются дисперсность, открытость, распределенность и особая проницаемость, все то, что характерно для «горизонтальных», сетевых образований. Сфера услуг родственна «человеческой индустрии» и накоплению «человеческого капитала». Это область воспроизводства самого человека, среды и образа жизни, при этом она не столько порождает город, сколько его сопровождает. И такое сопровождение сегодня оказывается более релевантным и эффективным, чем присутствие фабрики и завода. Города-курорты, города — медицинские центры, университетские и научно-исследовательские города и центры туризма наделены куда большей устойчивостью, чем промышленные моногорода, и ощущаются естественными и востребованными представителями постиндустриального мира.

Культура постиндустриального мира поистине массова, и массовой ее делают пластичные и всепроникающие информационные или цифровые технологии. Для экономики и политики цифра стала новым и эффективным инструментом, для культуры она превратилась в среду. Изолированные, отдельные центры, очаги культуры и науки уступают место сетям, объединяющим множество источников, рождающихся в разных местах и встроенных в общий информационный обмен. Рождение художественных и научных открытий теперь фатально не связано с большим городом и его атмосферой. Эта атмосфера воссоздается в любой точке информационного пространства, она следует за каждым, кто в ней нуждается, и позволяет жить одновременно несколькими жизнями, в разных сферах и локациях.

Современный город утрачивает привычную определенность, избавляется от видимых и невидимых границ, растворяется, сливается со своим окружением. Слово «город» все чаще сменяется словами «агломерация» и «конурбация», подразумевающими, что между городом и деревней, между большими и малыми городами отныне нет разрывов и противоречий, все они неотъемлемые части единой системы, прочно связанной общей инфраструктурой.

Самыми яркими представителями семейства современных городов являются «глобальные» или «мировые» города — главные узлы глобальной инфраструктуры, единого каркаса культурного пространства. Современные глобальные города успешно вытесняют из актуальной

повестки прежних лидеров, какими были столицы классического периода. Одни национальные столицы, вроде Канберры, Бразилиа или Вашингтона, отказываются от высоких претензий в пользу Сиднея, Рио-де-Жанейро и Нью-Йорка, конкурирующих за мировое лидерство, другие, подобно Лондону и Парижу, успешно совмещают роли, отчетливо осознавая, какая из них важнее. В роли мировых центров сегодня выступают Шанхай и Гонконг, Сингапур и Дубай. Готовят себя к этой роли, конкурируют за право войти в этот клуб еще десяток-другой городов, к которым уже сходятся огромные пучки авиационных, морских и сухопутных маршрутов, где размещается все больше представительств основных банков и компаний, куда стекаются туристы и где жизнь не прекращается ни на минуту. Мировые города стремятся быть лидерами в соревновании за качество жизни, качество среды и «человеческого капитала». При этом численность населения таких городов становится не условием успеха, а его следствием.

Главным, принципиальным, базовым отличием современного культурного пространства от классического являются скоростные магистрали непрерывного движения, автомобильные и рельсовые. Магистрали, доступные и эффективные, не просто обеспечивают ранее отсутствующие связи поселений, но становятся надежной гарантией их развития. Агломерации перестают быть чем-то исключительным, случайным и единичным. Явлением исключительным может считаться скорее неагломерированность, на которую обречены вахтовые поселки Крайнего Севера. Та или иная степень агломерированности — норма существования любого современного поселения. Агломерации — первый шаг, за которым следует появление устойчивых межагломерационных связей, «коридоров расселения», соединяющих ядра агломераций, теперь беспрепятственно переходящих одна в другую. Расстояния между такими ядрами колеблются от двухсот до шестисот километров, которые преодолеваются с заметно возрастающей скоростью.

Следующий шаг инфраструктурного развития, возможный на наиболее плотно освоенных участках, приводит к появлению сети скоростных магистралей с характерными треугольными межмагистральными ячейками, площадью в несколько десятков тысяч квадратных километров. Складывающаяся в итоге сеть объединяет поселения трех уровней или видов — крупные, стоящие в узлах, среднего размера, расположенные вдоль коридоров, и малые, находящиеся на удалении от узлов, как правило, внутри межмагистральных территорий. Рождение такой сети означает появление единой непрерывной ткани, распределяемой между двумя полюсами, высокоплотными участками, сложившимися в узлах, и низкоплотными, рассредоточенными в стороне от магистралей. На этих полюсах и протекают основные события в жизни современного культурного пространства.

Самыми зрелищными и впечатляющими оказались перемены в центре города, в «узле узла», главными участниками которых являются небоскребы. Каждый уважающий себя большой современный город обзаводится своим «сити» или «даун-тауном», состоящим из толпы зданий невиданной высоты, под которыми в нескольких уровнях располагается логистический комплекс с многочисленными учреждениями обслуживания. Эти сгустки жизни и материи — воплощение фундаментальной, вечной мечты о доме-городе или городе-доме, в котором, как в океанском лайнере, можно провести жизнь не выходя наружу. Это Вавилонская башня, которую наконец удастся достроить и ввести в эксплуатацию.

Происходящее на другом, периферийном полюсе выглядит менее однозначно и описывается двумя принципиально отличными моделями, которые условно можно определить как «американскую» и «европейскую». Корни каждой из моделей обнаруживаются в истории урбанизации Старого и Нового Света, развернувшейся еще в индустриальный период.

Промышленный пояс американского индустриального города пополнялся эмигрантами. Городской или квазигородской опыт присутствовал в жизни почти каждого, кто высаживался на американское побережье, кто неминуемо проходил через большие города, кто их видел и впитывал их атмосферу. Америка рождалась урбанизированной, и процесс урбанизации замещался натурализацией.

Америка изначально была страной, практически не знавшей деревни, но ее граждане были хорошо знакомы с опытом жизни в собственном доме на собственной земле и многие из них мечтали при первой возможности этим опытом воспользоваться. Эта возможность появилась в середине прошлого века со строительством скоростных дорог и появлением частного автомобиля. Воспользовался ею народившийся американский средний класс, который решительно отказался жить в тесноте и толкучке рядом с заводами, фабриками и беспокойными соседями.

В послевоенный период, когда многие американцы начинают уходить из города, в странах Европы и в России поток прибывающих в города усиливается, и усиливается он за счет неимущих и малоимущих с растущей долей зарубежных мигрантов, всех тех, кого можно считать выходцами из собственной или «мировой» деревни. Европейская урбанизация классического, индустриального времени носила ограниченный характер, города вбирали «излишки» сельского населения, которое продолжало оставаться весьма многочисленным и весомым. Урбанизация XX столетия оборачивается приговором деревне и аграрному укладу жизни. Движение в город кажется необратимым. Но на этот раз стихийный, неуправляемый или плохо управляемый процесс, породивший окраины казарменного или трущобного вида, ставится под контроль.

Ситуацию начинают определять целенаправленные государственные программы строительства социального жилья. Многоквартирный дом, до того известный лишь городской буржуазии, претерпевает эволюцию, делается массовым и доступным.

Если переселение в собственный дом, в пригород становится новым явлением, именуемым субурбанизацией, характерной для современного, постиндустриального мира, то многоэтажные спальные пригороды Парижа и Москвы — это продолжение урбанизации индустриального периода, ее второе явление, вторая версия, исправленная и дополненная.

Левая послевоенная Европа и Советский Союз считали своим долгом скорейшую ликвидацию депрессивных окраин и поначалу не видели альтернативы многоэтажным спальным районам, появляющимся в индустриальном поясе и за ним, вокруг больших или относительно больших городов. Именно эти территории становятся главным предметом забот и местом приложения основных усилий. Периферия делается важнее центров, огромные дома и новые спальные районы оказываются едва ли ни главными представителями и культурного пространства.

Было бы преувеличением утверждать, что Америка не знала социального многоквартирного жилья. Важно, что это жилье, бывшее «эхом» индустриального мира, не стало доминирующим, не превратилось в препятствие и барьер на пути субурбанизации. Движение к субурбанизации по-европейски начинается почти на двадцать лет позже. К этому времени острая фаза жилищного кризиса остается позади, и выясняется, что многоэтажные спальные районы и города-спутники так и не стали городом. Но, будучи практически оторванными от городского центра, оказались одновременно лишены преимуществ свободной загородной жизни, которую дарил сабербия.

Программы социального жилья сворачиваются, правые идеи и традиционные ценности актуализируются, прекращается рост больших городов и обезлюдение малых, доля малоэтажного и индивидуального жилья в национальном жилом фонде начинает быстро расти и достигает естественной и требуемой нормы. Европейцы вновь открывают для себя прелести малых городов и загородной жизни. Давняя история и огромные накопления европейского культурного ландшафта предоставили широкие возможности возвращения в естественное состояние. Постиндустриальный мир не понадобилось полностью строить заново, подобно американской сабербии, достаточным оказалось возродить, обеспечить современной инфраструктурой то, что имелось.

Одними из последних двигаться в пригород и за город начинают российские граждане. Упорно подавлявшаяся государством тяга к собственному дому на своей земле обернулась с начала 90-х небывалой

«низовой» активностью, быстро меняющей лицо российского ландшафта.

За свою почти вековую историю сабербия или периферия культурного пространства проделала огромный путь. Сегодня устойчивый интерес к ней обнаруживают бизнес, владельцы предприятий, университеты, клиники и торгово-развлекательные комплексы. Горожанин, переезжая за город, не расстается со своими привычками и работой, а житель деревни, оставаясь на месте, начинает ощущать себя горожанином. Субурбанизация сменяет урбанизацию и доделывает то, что последняя не успела, уравнивает, балансирует условия жизни в центре и на периферии.

Привлекательность сабербии растет, ее позиции усиливаются по причине появления новых форм занятости и оказания услуг. Работа возвращается в дом, жилище становится местом приложения труда для многих, от дистанционно работающих постоянных сотрудников до фрилансеров и «новых ремесленников». Индивидуальный семейный дом, автономный, самодостаточный, «дом как мир» становится местом, куда доставляются товары и услуги, он возвращает себе право быть первичной, базовой единицей культурного пространства.

Сабербия, основной продукт и бенефициар «инфраструктурной революции», явно превосходит в количественном отношении другие сегменты культурного пространства. При этом сабербия не вызывала и не вызывает особых симпатий ни у мечтателей-визионеров, ни у бюрократов и технократов. Город-сад Говарда, Бродакрасити Райта и проекты-мечты советских дезурбанистов 1920-х годов если не маргинализировались полностью, то и не принадлежали «мейнстриму». Сабербия родилась снизу, самостоятельно, она не была результатом интеллектуального синтеза и не приобрела адекватный вес и субъектность как важнейший актор культурного пространства. Ей еще предстоит стать предметом анализа, осознания, внимания и занять место достойного партнера и антипода городских центров.

Тектонические, глубинные изменения культурного пространства, его «осовременивание» сопровождалось рождением современной архитектуры, пришедшей на смену ордерной классике и целому букету стилей, стилизаций и упражнений с декором. Своими союзниками в поисках адекватного языка, отличного от языка стилей, архитектура выбирает новое искусство и инженерные открытия, воплощенные массовым промышленным производством. Пример изобразительного искусства помогает очиститься, освободиться от любви к декору, от наслоений, обременений и условностей, вернуться к истокам, родиться заново и создать новый мир пластических образов и знаков, не знающий прежних ограничений. Опыт инженеров демонстрировал поразительные возможности

раскрепощенного рационального сознания, трезвого расчета и здравого смысла, для которых впечатляющая форма была не самоцелью, но честным ответом на задачу.

Незаметно для себя и окружающих современная архитектурная практика, следуя правилам разделения труда, оказалась сегментированной и расколотой. Одни по-прежнему чувствуют своим долгом создание неповторимого и уникального, новых маяков, знаков и символов. Другие без сожаления забывают о высоком и с энтузиазмом берутся за насущное, то, что прежде не было предметом заботы архитектора, за массовое жилье, за массовый продукт, принадлежащий массовой культуре. Первые по-прежнему считают себя архитекторами и сохраняют, вопреки валяющимся на них испытаниям, веру в свое предназначение и миссию. Они чувствительны, артистичны и эмоциональны. Вторых можно условно назвать «архитектурными дизайнерами», людьми проектного бизнеса, решающими поставленные рынком конкретные проектные задачи. Они рациональны и расчетливы.

Создатели традиционного города руководствовались образцами или прототипами. Архитектура классического периода культивировалась школами или академиями и опиралась на ордерную систему, на канонический порядок, постепенно превратившийся в нечто менее определенное, именуемое «стилем». Стиль и ордер делали работы мастеров и ремесленников мало отличимыми в глазах обывателя, поскольку в обоих случаях предлагались вариации на одну тему, не имевшую конкретного автора. Традиционное сознание было обращено к вечному, сознание классическое питалось античностью или чем-то ему подобным, современное сознание выбрало принципиально иной ориентир, «будущее», нечто менее определенное, менее понятное и дающее менее предсказуемый результат. Прототип и ордер предлагали каждый по-своему гарантированное, не имеющее принципиальных альтернатив решение. Работы участников архитектурного конкурса, проводимого несколько столетий назад, отличались нюансами. Нынешние ответы на одну и ту же задачу все чаще оказываются трудно сопоставимыми отражениями групповых или индивидуальных, персональных представлений о будущем.

Лидеры профессии, создатели современного мира, в отличие от предшественников, опираются не на прототипы и ордерные стили, а на методы. Обращение к ордеру и прототипу также могут рассматриваться как методы, но методы особые, подчиненные результату, скрытые за результатом, погруженные, встроенные в строго определенный и предсказанный итог. Современность освобождает метод от обязательств и ограничений, выводит из тени на свет и делает средством, инструментом получения бесчисленных решений и результатов. Появление соперничающих, развивающихся, усложняющихся методов проектирования

становится главным отличием современной архитектуры и проектной практики в целом. На место «ордерной латыни» классического периода пришло редкое обилие грамматик, точнее, методов. Самым известным, популярным становятся «функциональный» и «формальный» методы, один из которых строится на предположении, что форма следует функции, другой полагает форму наделенной собственными внутренними закономерностями.

Каждая из профессиональных групп осваивает свои подходы и методы работы, в каждой группе есть свои немногочисленные лидеры, они же основные создатели и потребители методов, принимающие трудные, рискованные решения, берущие на себя ответственность, и многочисленные последователи успешных лидеров, или имплементаторы «позитивных практик».

Имплементаторы, присутствующие в обоих сегментах современной проектной практики, испытывают растущее влияние информационных ресурсов, гигантского меняющегося и постоянно пополняемого потока доступных для использования образцов и примеров: авторских, «брендовых» и анонимных, превращающих архитектуру в часть массовой культуры. При этом самым ценным и востребованным по законам массовой культуры становится все новое и особенное. В отличие от технологических новаций, новаций в сфере дизайна одежды или бытовых продуктов, архитектурные новации обычно не защищаются патентами или авторскими свидетельствами, а их заимствование или тиражирование является рутинной.

Доступность решений, соответствующих любым ситуациям и вкусам, сопровождается легкостью получения изображений, не отличающихся от реальности. Процесс мучительных поисков все чаще заменяется выбором, в котором принимает участие самый широкий круг лиц, не являющихся профессионалами и все более расположенных к общению с искусственным интеллектом.

Новые методы и технологии проектирования практически исключают необходимость владения множеством сложных навыков и знаний. Процесс работы отныне делится на множество этапов и процедур, выполняемых узкими специалистами под управлением профессиональных менеджеров. Свое место в команде или в сети исполнителей занимают дизайнер фасадов, специалист по правильной упаковке квадратных метров и множество иных все более узких специалистов. С не меньшей интенсивностью нечто подобное происходит в работе на других уровнях культурного пространства, в градостроительстве и терпланировании.

Отношения архитектуры и дизайна напоминают отношения театра и телевидения, книг и интернета, области создания уникальных образов и области присутствия узнаваемых, массовых знаков.

Несмотря на эту разделенность, современная архитектура сохраняет несомненную целостность и общие отличия, очевидные при сопоставлении с архитектурой ордерной. Современную архитектуру отличает множество черт, но ограничимся несколькими: современная архитектура обращается к выразительной форме, которая, как считается, не нуждается в декорациях; для современной архитектуры происходящее внутри, за стенами более существенно, чем стены и фасад; наконец, современная архитектура живет, развивается новыми открытиями и образами, а не незыблемыми стилями и знаками.

Новые образы и новые открытия — особое топливо, в котором нуждаются и без которого стагнируют практическая деятельность и культурное пространство. И ответственность за качество этого топлива и его поступление лежит не столько на счастливых авторах новаций, сколько на особых информационных механизмах, на тех, кто осуществляет отбор и доставку информации, кто превращает зыбкий образ в устойчивый знак, а едва оформившийся смысл в доктрину, кто рутинизирует новации и, по сути, регулирует, поддерживает на плаву огромную, глобальную дизайн-индустрию.

Стилевое сознание, стилевая оптика еще долго не могут признать ни свое поражение, ни замены. Современная архитектура, «модернизм» признается стилем и даже получает лестный статус «большого стиля», что почти уравнивает его в правах с ордерной классикой. Действительно, имитировать современную архитектуру первой волны, упрощенную, чистую и наивную, испытанным мастерам стилей, вроде Щусева и Жолтовского, было несложно. С другой стороны, против стилевой трактовки современной архитектуры не сильно возражали и ее апологеты, вроде Гинзбурга и Ле Корбюзье, изобретавшего некое подобие нового ордера, именовавшееся «пятью правилами», что, по-видимому, должно было напоминать о правилах пяти ордеров. Не последнюю роль в живучести стиливых представлений сыграло появление последних «переходных», «мягких» стилей, вроде модерна и ар-деко, а также постоянные попытки сохранения и реставрации стиливых подходов, характерных для довоенных США и для сталинского СССР. Особенно тяжело и неохотно рудименты «стилевой зависимости», стиливого подхода преодолеваются в современном искусствознании.

После пришедшегося на начало прошлого века впечатляющего выброса питающих современное культурное пространство открытий и идей их количество и качество заметно снизились. В негласном соперничестве того, что рождается современной жизнью, вроде сабербии, и того, что стало результатом воплощения искусственных доктрин и схем, вроде спальных районов и городов-спутников, похоже, побеждают первые.

Совокупность упрощенных установок и представлений все больше расходится с реальностью. Брошенные в общий котел модели «умного» города, «экогорода» не спасают положение, они не предназначены для полного охвата действительности и релевантными едва ли являются. Действительность выходит из-под контроля, не совпадает с представлениями, опережает представления. Это проблема и моделей, и культурного пространства, которое без достаточного осмысления и осознания перспектив оказывается лишенным системы навигации и оценки правильности курса. Единство и непротиворечивость, чем отличались модели традиционного и классического городов, о чем, похоже, мечтали отцы-основатели современного терпланирования, градостроительства и современной архитектуры, оказываются трудно достижимыми.

Рассуждая о современном городе, не следует забывать, что он, как и его предшественники, не вечен, и предстоящие десятилетия могут стать временем новых вызовов, временем новых предчувствий и признаков наступления принципиально иного состояния культурного пространства. Этими предположениями, возможно, стоит воспользоваться, чтобы, взглянув на современный мир из некоего «мегацивилизационного» будущего, увидеть его более целостным и понятным.

Три модели города, три разных культурных пространства в действительности, в реальной практике тесно переплетены, прочно взаимосвязаны и сменяют друг друга не одномоментно, но в течение длительного, не всегда безболезненного, переходного периода. Новая модель, как правило, зарождается в недрах старой и продолжает напоминать о себе, когда время ее, казалось бы, давно миновало. Однажды возникнув, эти модели полностью не исчезают, но оставляют в обширной памяти культурного пространства хорошо читаемые следы. Территории, города, городские районы и дома, принадлежащие традиционной или классической эпохам, успешно сосуществуют и относительно спокойно приживаются в современном городе, становясь его важнейшими, неотъемлемыми частями.

Традиционная, классическая и современная доли культурного пространства не сопоставимы в количественном отношении. Массив произведенного в прежние времена существенно уступает тому, что сделано в последние десятилетия и годы, и значительная часть исторического массива утрачена. Возможно, вопреки, возможно, в силу утрат ценность исторического материала непропорционально велика, а его необходимость ощущается все острее.

Культурное пространство инерционно, консервативно, предпочитает постепенные, эволюционные изменения. Оно с трудом и неохотно переживает прямые, революционные воздействия и успешно сопротивляется необдуманному, нерелевантным шагам, впадая в состояние разрухи

и хаоса. Культурное пространство инклюзивно, ему не близка жесткая селекция, к которой склонны сторонники единообразия и борцы за стилистическую чистоту. Рукотворное пространство вбирает материал, порождаемый разными эпохами, по своим критериям качества, едва ли ни главным из которых является проверенность временем.

Механизм культуры работает избирательно, отвергая одно и оберегая, тщательно сохраняя другое. Граница, по которой проходит этот отбор, подвижна, трудно определима и, похоже, отделяет область развивающихся технологий, меняющихся инструментов, обеспечивающих устройств от более фундаментального, сущностного и «субстантивного» материала. Предметы одежды, домашнего обихода, транспортные средства, приборы и станки без сожаления отправляются на свалку и заменяются новыми, более эффективными и удобными. Старое, не считающееся вечным, не ощущается, не признается особой ценностью, маргинализируется, поглощается, растворяется в актуальной практике, и его следы обнаруживаются лишь ценой особых усилий и специального анализа. Иначе живет культурное пространство. Его образцы и модели, рожденные в прошлом, модернизируются, интерпретируются, наполняются новым содержанием и сохраняют работоспособность.

Одновременное присутствие в экономике и социально-политической жизни наряду с современными укладами и институтами давно отживших и рудиментных не встречает того сочувствия, с которым принято относиться к памятникам истории и к исторической среде. Столь же внимательным и трепетным постепенно становится отношение к принципиальным, «родовым» признакам городской ткани и ткани расселения, отчетливо хранящим следы прошлого.

Экономика и социум в процессе движения успешно преодолевают, вытесняют, маргинализируют прежние, «отжившие» формы и институты, превращая их в рудименты, пережитки, обременения и досадные препятствия на пути прогресса. Культурное пространство отличает склонность и способность копить, сохранять, адаптировать и актуализировать прежние формы.

Многоукладность, одновременное присутствие следов разных пространственных моделей — норма, объясняемая не только инерционностью и неподатливостью культурного пространства. Города, существующие многие сотни лет, отличаются соотношением, пропорциями и объемами материала, принадлежащего разному времени и разным моделям, каждая из которых занимает свое место в цивилизационном процессе, играет свою роль в пространстве города. Любой ныне существующий европейский город возрастом более пятисот лет обнаруживает отчетливо различимые следы традиционной средневековой планировки, регулярные части или фрагменты классического периода и следы

современных, модернистских вторжений. Все эти следы, включая те, что оставлены недавними поколениями современных архитекторов, оказываются признаваемыми и охраняемыми памятниками, без которых город ощущается неполным и неполноценным.

Проживаемые культурным пространством эпохи оставляют неисчезающий след и порождают особый порядок, основанный не на замене одной модели на другую, но на накоплении производных разных моделей. Города, лишившиеся по причине войн, катаклизмов или ретивости начальников собственных памятников и исторических фрагментов, с энтузиазмом и вдохновением восстанавливают утраты. Города, не успевшие обзавестись достойным наследием прошлых эпох, осознанно или безотчетно имитируют, воссоздают отсутствующие исторические морфотипы и средовые паттерны новыми средствами. Крупные общественные центры, комплексы и здания обзаваются множеством внутренних многосветных пространств, напоминающих узкие улицы и площади традиционного города, а многоквартирные и многоэтажные дома спальных районов постепенно выстраиваются по правилам квартальной, регулярной застройки.

Наложение, совмещение, объединение в единое целое разных по типу культурных пространств протекает менее драматично, чем отношения между представителями соседствующих сообществ, выстроенных на основе разных хозяйственных, социальных и культурных моделей. Если архаические структуры и трайбалистские отношения могут казаться угрозой для современного общества, его экономики и культуры, то пространственное наследие ушедших времен ощущается несомненной ценностью и преимуществом. Время жестких преобразований, радикальных реконструкций, сопровождавшихся тотальным сносом значительных участков застройки, вроде того, что предпринималось в позапрошлом веке в Париже, в прошлом веке в Москве и совсем недавно в Пекине, похоже, миновало.

Наступление новой эпохи, приход нового культурного пространства фиксируется двояко. Вначале об этом заявляют проекты, программы и сооружения — манифесты, лозунги, символы и экспериментальные образцы. Утверждение нового порядка следует считать завершившимся с наступлением количественного перевеса в его пользу, когда большая, самая значимая часть культурного пространства собрана из нового материала.

Пространственные модели, сложившиеся в архаический, традиционный или классический период, не исчезают бесследно, но всякий раз встраиваются, интегрируются в реальное тело города, в его пространственную, физическую ткань. Это встраивание, инкорпорирование, часто приобретает болезненный, острый характер, однако ни изменение

границ, ни пробивка магистралей, ни демонстративный снос старых кварталов не означает отказ от самой модели, которая упорно борется за свое место, свою нишу в общем культурном пространстве. Разнообразие или многоукладность — норма существования этого пространства, кажущегося неполноценным, без того, что приносят с собой традиционный и классический города.

Способность сохранять и накапливать означает, что спустя десятилетия и столетия мы увидим следы времени, в котором живем сегодня, следы, облегчающие предсказание будущего, гарантирующие, что будущее не будет чужим, шокирующим и незнакомым.

Память о прошлом упорно и успешно сохраняет территориальные единицы, прошедшие сложным маршрутом от малых и простых к большим и сложным. Не будь их путь столь долгим и многоэтапным, было бы непонятно столь высокое разнообразие государственных образований, среди которых присутствуют крошечные Андорра и Сан-Марино, возникшие во времена территориальных общин и городов-государств много столетий назад.

Системы расселения являются едва ли ни самыми ответственными хранителями пространственной памяти. Возникающие в исторической последовательности друг за другом все более сложные территориальные образования в реальной жизни в разных местах воспроизводятся и сосуществуют одновременно. На так называемых «политических картах» видны отчетливые следы, оставленные и городами-государствами, в большинстве своем ставшими регионами, областями или провинциями, и национальными государствами, и империями.

Культурное пространство склонно к постоянной экспансии, к расширению и усложнению, к уплотнению и ускорению движения. Нетрудно заметить, что инициатором, двигателем, самым активным участником изменений становится инфраструктура, в первую очередь — транспортная. Современная транспортная инфраструктура представлена сетями трех разных уровней, и появление каждого из уровней отчетливо связано с одним из трех состояний культурного ландшафта. Так появляются местная, или региональная, национальная, или межрегиональная и транснациональная сети коммуникаций.

Местом встречи сетей разных уровней, внешних и внутренних по отношению к соответствующим территориям, являются центры, узлы региональные, или местные, общенациональные, или столичные, и глобальные. Центры, как и сети соответствующих уровней, генетически родственны трем основным типам городов, которые сохраняют свою актуальность. Чем крупнее и весомее город, тем больше компетенций он вбирает. Глобальный город одновременно может являться столицей государства и главным городом региона. За редким исключением такой город

отчетливо хранит скрытые в его теле следы предыдущих состояний, фрагменты исторической ткани, которые продолжают успешно работать.

Культурное пространство — результат непрерывного процесса рождения и накопления разного рода морфологий и сред. Город — экспозиция сред, построенных по трем разным моделям, следы которых в разной мере стерты или проявлены. Три различных типа городских сред, возникавшие последовательно один за другим, соответствуют трем базовым типам пространственного поведения, трем моделям города. В наследство от до-городской жизни, от архаики были получены первые представления о ближайшем, тактильном окружении, о пространстве «протянутой руки», привычном, ощущаемым в подробностях и деталях, об интерьере, в котором мы живем и продолжаем жить. Традиционный город оставил пространство знакомых лиц, узких улиц и небольших площадей, пространство множества постоянных контактов с предметами и людьми, пространство уличной мистерии, народного театра и балагана. Сегодня это пространство успешно воспроизводится в торговоразвлекательных комплексах, в моллах, атриумах, пассажах, вестибюлях и фойе. Этот город расположен к пешеходу, рассчитан на пешехода и с трудом выдерживает как присутствие в недавнем прошлом лошадей, так и сегодняшние велосипеды с самокатами. Движение автомобилей здесь либо запрещено, либо ограничено.

Классический город принес являющиеся по сей день предметом гордости городов проспекты и бульвары, площади и парки. Этот город примирил пешехода с колесным транспортом, с экипажами и первыми автомобилями.

Современный город сделал окружающую среду пространственно-временной, а время — осязаемым подобно пространству, объединил пространство и время. Магистрали безостановочного движения, метро, транспортные узлы и аэропорты стали новыми и самыми важными местами обитания, новой средой, которая, как хотелось бы надеяться, не будет отменять предшественников и посягать на их права.

Об авторе:

Боков Андрей Владимирович — доктор архитектуры, вице-президент Международной академии архитектуры, Президент Московского отделения Международной академии архитектуры (МААМ), Генеральный директор ГУП МНИИП «Моспроект-4» (1998–2014), Президент Союза архитекторов России (2008–2016), академик Российской академии архитектуры и строительных наук (РААСН), член-корреспондент Российской академии художеств, Народный архитектор Российской Федерации. Автор многих градостроительных и архитектурных проектов, среди которых реконструкция комплекса зданий Московской консерватории, Детский эстрадный театр в комплексе Елоховского пассажа,

офисные комплексы на Саввинской набережной и в Большом Гнезниковском переулке, футбольные стадионы «Локомотив», ЦСКА, Крытый конькобежный центр в Крылатском, Ледовый дворец «Мегаспорт», градостроительная концепция и жилая застройка на Ходынском поле и ряда других. Автор трех книг («Геометрические основания архитектуры и картина мира» (2022), «Параллельная архитектура» оттепели и застоя. Визионеры последнего советского тридцатилетия» (2024), «Культурное пространство» (2024)) и более 100 статей в отечественных и зарубежных изданиях.

About the author:

Andrey Bokov — Doctor of Architecture, Vice-President of the International Academy of Architecture, President of the Moscow Branch of the International Academy of Architecture (MAAM), General Director of the State Unitary Enterprise MNIIP Mosproekt-4 (1998–2014), President of the Union of Architects of Russia (2008–2016), Academician of the Russian Academy of Architecture and Construction Sciences (RAACS), Corresponding member of the Russian Academy of Arts, People's architect of the Russian Federation. He is the author of many urban planning and architectural projects, including the Reconstruction of the Moscow Conservatory building complex, the Children's Variety Theater in the Yelokhovskiy Passage complex, office complexes on Savvinskaya Embankment and Bolshoy Gnezdnikovskiy Lane, football stadiums Lokomotiv, CSKA, Indoor Skating Center in Krylatskoye, Megaspport Ice Palace, urban planning concept and residential development on the Khodynskiy field and a number of others. He is the author of three books and more than 100 articles in domestic and foreign scientific journals.